

УДК 316

Ю. Ю. Баранова

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АНОМИИ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ПОЛЬСКОЕ И РОССИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

143

Представлена методология исследования аномии. Анализируются подход к изучению социальной патологии Э. Дюркгейма и использование концепта культурной травмы П. Штомпки, особое внимание уделяется теории аномии и напряженности Р. Мертон и концепции максимизации Д. Мерфи и М. Робинсона. Рассмотрена специфика посткоммунистических трансформаций, опыт преодоления Россией и Польшей социальных потрясений, связанных с переходным периодом, а также проблемы, с которыми сталкиваются государства в настоящее время.

This article considers different methodological approaches to research on anomie. The author analyses Durkheim's approach to social pathology and the application of P. Sztompka's concept of cultural trauma. Special attention is paid to R. Merton's theory of anomie and strain and D. Murphy and M. Robinson's concept of maximization. At the same time, the author takes into account the specific features of post-communist transformations, Polish and Russian experience of overcoming social unrest relating to the period of transition, and the modern contemporary problems faced by states today.

Ключевые слова: аномия, социальная патология, культурная травма, Россия, Польша.

Key words: anomie, social pathology, cultural trauma, Russia, Poland.

Для любого общества, в котором существуют нормы и законы, характерны отклонения от регламентированного порядка. Такое состояние общества, при котором отсутствуют или неустойчиво функционируют регулирующие отношения между индивидами или группами, было названо французским социологом Эмилем Дюркгеймом аномией. Этимологически термин «аномия» происходит из греческого и означает отсутствие закона, однако социологическое его понимание гораздо шире. Социальное измерение аномии охватывает культурные и правовые нормы, практики общественной жизни, внешние факторы среды и внутренние процессы развития всех подсистем общества. Комплексное понимание аномии требует нахождения точки отсчета: с какого момента мы можем замерять это явление, как оно выражается, любое ли отклонение от установленных норм будет считаться аномичным для общества?

Необходимо отметить, что сама окружающая нас действительность вносит коррективы в понимание аномичности того или иного явления. С течением времени происходит изменение методологических измерений, с помощью которых аномии изучаются. Как отмечено социологом

Э. Гидденсом, «что считать отклонением, зависит от времени и места; поведение “нормальное” при одном наборе культурных установок будет расценено как “отклоняющееся” при другом» [2, с. 150]. Поэтому необходимо рассматривать аномичные явления и рост девиантности исходя из релятивности нормы контексту отдельно взятого общества в определенный промежуток времени.

Таким образом, под аномией понимается социальная дезорганизация конкретного общества на конкретном этапе развития, выражающаяся в виде резкого скачка ненормативного поведения. Основной признак аномичных проявлений — массовость, выраженная в статистических параметрах: фиксируется распространение преступности (несоблюдение закона), рост числа самоубийств, алкоголизм и наркомания. Однако к аномии относятся и сложные для статистической фиксации социальные проблемы, такие как нравственная деградация общества, утрата преемственности между поколениями. «Социальные болезни», которые актуализируются внутри общества, должны трактоваться им как травмирующие, несущие вред. Отношение общества к тому или иному негативному явлению получает закрепление как в политических решениях, законодательных актах, кодексах, так и в нормах морали, традициях.

Согласно Дюркгейму, опасность для общества представляют не только социальные отклонения, но и ослабление функций социального контроля, деформация прежней нормативной системы, когда культурные ценности и социальные взаимосвязи отмирают, ослабевают или противоречат друг другу. Дюркгейм в качестве причин несоответствия общеразделяемых норм реальности выделял не только негативные явления, такие как экономические кризисы и государственные перевороты, но и направленные на улучшение жизни радикальные перемены. Таким образом, причина аномичного состояния не само внутреннее устройство общества, а скорее среда, приводящая существование нормы и модели поведения в диссонанс с окружающей действительностью.

Если говорить о современных аномичных процессах, протекающих в России и Польше, вызывает интерес понятие культурной травмы как следствия политических, экономических, социальных преобразований. Рассмотрение аномии через концепт культурной травмы было принято группой ученых-социологов под руководством Джеффри Александера. Развитие этой идеи, в частности вопрос о трансформации посткоммунистических обществ, принадлежит Петру Штомпке. Анализируя переходные процессы, охватившие государства Восточной Европы после крушения советской системы, Штомпка обращает внимание на сложность принятия новых демократических процедур, даже в тех обществах, где перемены были ожидаемыми и ассоциировались с освобождением и новыми возможностями. Экономические преобразования: план Бальцеровича в Польше и политика Гайдара в России — показали, что переход от социалистической системы к капитализму невозможен без общества, которое разделяет единые культурные требования, основанные на индивидуализме, частной собственности, остром чувстве реальности и ориентации на будущее [6, с. 8].

Экономическая нестабильность переходного периода характеризовалась высоким уровнем безработицы, отсутствовавшей в социалисти-

ческой системе, галопирующей инфляцией и гиперинфляцией, социальным расслоением и резким падением уровня жизни. Согласно официальным данным, в Польше с началом экономических преобразований Бальцеровича доля безработных увеличилась с 6,3 % в 1990 г. до 16,4 % в 1993 г. В России цифры также неутешительны: с 1992 по 1998 г. наблюдался постоянный рост численности безработного населения [4].

Социальным последствием столь резких изменений стало небывалое количество людей, «исключенных» из нормального функционирования общественной системы. Невозможность зарабатывать легальными методами спровоцировала рост преступности. Если в 1990 г. на 100 тыс. человек в Польше зарегистрировано 2313,5 правонарушений, в России – 1242,5, то к 1995 г. эта цифра увеличилась для обеих стран, составив для Польши 2525, а для России – 1862,7 [4, с. 301]. Особенно показательны данные, отражающие динамику тяжких преступлений в пореформенной России, когда с 1992 по 1995 г. число зафиксированных случаев выросло с 400 до 1600 [5].

Таким образом, новые «правила игры» в рамках институционально оформленной демократии и рыночного капитализма травмировали самую инертную, неспособную к быстрым изменениям культурную сферу. И если мы сравним период преодоления травмы в российском и польском обществах, то последнее будет находиться в более выгодном положении.

Ослабление моральных норм и проявление девиантных настроений может также быть обусловлено изменением привычной среды обитания: от урбанизации до эмиграции. Поведение переселенцев зависит от смены формы социального контроля и самой системы ценностных координат. В период «адаптации» к новой системе ценностей может наблюдаться падение моральной культуры и ослабление семейных связей [1]. Кроме того, мигранты на момент приезда в принимающее государство всегда имеют трудности с адаптацией к условиям жизни; языковые и профессионально-квалификационные проблемы, бытовая неустроенность и культурные различия могут стать одной из причин девиантного поведения [3, с. 456].

Понимание аномии как явления, спровоцированного самим устройством общества и государства, предложил американский социолог Роберт Мертон. Выведа ее за рамки кризисного общества, Мертон поместил аномию в те структуры и функции, которые окружают человека в обыденной жизни. Так, в любом обществе существуют люди, находясь в рамках определенной социокультурной нормативной среды, не могут достичь разделяемых в ней ценностей законными практиками, что влечет за собой теневые, преступные методы целедостижения.

Мертон замечает, что если отклонения существуют постоянно и не исчезают, значит они выполняют необходимые для данного общества функции. То есть девиации – это адаптивные функциональные системы, неотъемлемая часть реальности. Одно из таких отклонений, которое заняло свое место в российской общественной системе, – коррупция. В рейтинге состояния коррупции в странах мира, ежегодно составляемом организацией «Транспэрэнси Интэрнэшнл» (Transparency International), Россия в 2010 г. заняла 154-е место из 180 с индексом 2,1 балла (индекс 0 означает максимальный уровень коррупции, 10 – ее отсутствие) [7].

В Польше, по данным «Транспэрэнси Интэрнэшнл», индекс коррупции равен 5,3 (41 место) [7], т.е. показатель государства гораздо лучше, чем в других странах бывшего социалистического пространства. Необходимо отметить, что и структура коррупционной деятельности в Польше отличается от «коррупция — образ жизни» в России и чаще имеет место в высших правящих кругах, на уровне корпораций и т.п. Говоря о числе зафиксированных в Польше случаев, стоит отметить, что в 2007 г. выявлено 9631 коррупционное правонарушение, каждое третье из них — взяточничество государственного должностного лица. Число этих преступлений увеличилось в четыре раза с 2000 по 2007 г. [9].

Во многом эти цифры объясняет мертоновское понимание адаптивности системы к социальным, экономическим, политическим реалиям. Заработная плата работников бюджетной сферы в России подразумевает использование «принципа кормления», т.е. искусственное увеличение дохода за счет получения денег от иных лиц в виде взяток. Исходя из теории Мертона, жизненные цели того или иного общества, в основе которых лежит культура, транслируются через различные социальные институты. Система предлагает и узаконенные правила и процедуры для достижения этих целей. Однако в рамках капиталистической системы наблюдается серьезный сдвиг целеполагания в сторону экономики и материального благосостояния.

Дополненная Дониэлем Мерфи и Мэтью Робинсоном теория аномии Мертона имеет особую значимость для объяснения событий, происходящих в современных капиталистических системах. Исходя из посыла, что существуют обусловленные культурой цели и институциональные средства их достижения, Мертон выделил пять адаптационных моделей поведения индивидов, в которых применяются или отвергаются цели или средства. Мерфи и Робинсон пришли к выводу, что индивиды могут принимать и цели, и средства, однако при этом в рамках легальной деятельности нарушают законодательство в целях личной выгоды. Такая модель поведения получила название «максимизация» — одновременно принимаются нормы моделей конформизма и инноваций (т.е. законопослушание совместно с правонарушениями). Таким образом, некоторыми индивидами регулярно используются как законные, так и незаконные средства получения материальных выгод. С большим основанием можно утверждать, что в мире бизнеса максимизация — предпочтительная стратегия для улучшения благосостояния и наращивания капитала. С этой точки зрения наличие нелегальной деятельности в бизнес-кругах представляется вполне нормальным явлением и даже частью своеобразной корпоративной субкультуры. Интересно также, что вместо того, чтобы маркировать индивидов, нарушающих закон, как преступников, к ним чаще применяются эпитеты «хитрый», «умный», «успешный».

Подводя итог рассмотрению методологических аспектов изучения аномии и возможности их применения к исследованию польских и российских реалий, стоит отметить многосторонний характер изучаемого явления. Поэтому видится уместным условное разделение причин аномичного состояния общества на имеющие внешний по отношению к индивиду, группе людей или всему обществу характер и на детерми-

нированные внутренними процессами в жизни «общественного организма» конкретного государства. Социальная система сохраняет заведомо негативные практики, оставаясь при этом жизнеспособной. Причиной этому служат адаптационные механизмы, которые придают девиации значение ритуала, удерживая его в социальной действительности того или иного общества. Рост уровня социальной напряженности, выражающийся в высоких показателях преступности, самоубийств, алкоголизации и т.д., может быть вызван экономическим кризисом, политической трансформацией, полностью искажающими существующий общественный уклад. Преобразования политической и экономической сфер, технологизация пространства, усложнение социальных связей происходят гораздо быстрее, чем культурная среда успевает адаптироваться к этому, ответив новыми ценностями, моделями поведения, знаниями. Глобальные, имеющие в понимании общества позитивную коннотацию, социальные изменения несут в себе и негативную подоплеку. Волна ожиданий от будущих перемен не всегда оправдана. Транзакционные издержки процесса реформирования привычной культуры выливаются в рост преступности, самоубийств, нарушение закона, алкоголизм и наркоманию.

Список литературы

1. Ганжа А. О., Зотов А. А. Гуманистическая социология Флориана Знанецкого // Социологические исследования. 2002. №3.
2. Гидденс Э. Социология / пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. М., 1999.
3. Гилинский Я. Глобализация и девиантность в России // Глобализация в российском обществе: сб. науч. работ / ред. И. Елисеева. СПб., 2008.
4. Колодко Г. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М., 2000.
5. Правонарушения в 1991–1995 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_01/IssWWW.exe/Stg/d08/3-4.htm (дата обращения: 08.10.2011).
6. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. №2.
7. Corruption perceptions index 2010 // Transparency international. URL: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/results/ (дата обращения: 08.10.2011).
8. Murphy D., Robinson M. The Maximizer: Clarifying Merton's theories of anomie and strain // Theoretical Criminology. 2008. №12.
9. Siemaszko A. Atlas przestępczości w Polsce 4. Warszawa, 2009.

Об авторе

Юлия Юрьевна Баранова — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: yubaranova@gmail.com

About author

Yulia Baranova, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: yubaranova@gmail.com